

**Это первый полноразмерный роман,
написанный после того, как мне
диагностировали синдром хронической
усталости, поэтому я бы хотела посвятить
его всем моим товарищам-«хроникам»,
их семьям и тем, кто о них заботится.**

Боритесь и не падайте духом.

Мы победим.

• Глава 1 •

— Что-то я не въезжаю, — говорит моя дочь, глядя на огромное аляповатое полотно, висящее на стене перед нами. — Я так в детстве малевала, а ты вешала мои рисунки на холодильник всем напоказ.

Я вынуждена с ней согласиться, но, учитывая, где мы находимся, тщательно подбираю слова.

— Это называется современное искусство, — шепчу я. — В него не все въезжают.

— А ты? — спрашивает Молли — на мой взгляд, по-прежнему слишком громко. — Точнее, тебе оно нравится?

Несколько человек, стоящих поблизости, переводят сосредоточенные взгляды с картин на нас.

— Молли, надо говорить тише, — снова шепчу я, не отвечая на ее вопрос. — Художественные галереи, как библиотеки, — людям неприятно, когда их там беспокоят.

Молли скрещивает руки на груди.

— Вообще-то в библиотеке берут книги на дом. А вот кому придет в голову тащить домой эти синие кляксы, а, мам?

Я открываю рот, уже готовая согласиться, но тут слышу авторитетный женский голос.

— На самом деле это полотно — один из самых популярных экспонатов нашей галереи. Никакое другое не может похвастаться таким количеством открыток, репродукций и сумок с принтом в нашем сувенирном магазине.

Я смотрю на женщину, стоящую возле нас. Время от времени я встречаю ее в городе — в ярких шарфах и в разномастной, плохо подобранной одежде.

— А вы, наверное, здесь работаете, — вежливо откликаюсь я. — Мне кажется, я вас видела в Сент-Феликс.

— Я один из кураторов галереи, — важно произносит она, — отвечаю за новую выставку Уинстона Джеймса. Вы, я полагаю, пришли на ее открытие?

Она окидывает нас взглядом, точно пытаюсь решить, не ошиблись ли мы дверью.

— Именно так, — я достаю из сумочки приглашение.

Женщина берет его и внимательно изучает.

— А, — понимающе произносит она, — местный бизнес? Ясненько.

— Да, — говорю я, забирая приглашение, — мне принадлежит магазинчик «У Кейт». — В ответ на ее недоуменный взгляд я поясняю: — Мы продаем товары для рукоделия и творчества.

— Гм. — Женщина быстро теряет к нам интерес, потому что в дверях появляются новые посетители. — Начало экспозиции там, — она машет в сторону больших стеклянных дверей. — Приятного

вечера. — И затем устремляется к крупному мужчине в длинном черном плаще и фетровой шляпе с зеленым перышком. — Джулиан! Как замечательно, что вы пришли! — она рассыпается в любезностях и манерно целует его в обе щеки.

— Пойдем, — говорю я Молли, которая с интересом смотрит на эксцентричную компанию, следующую за Джулианом. — Чем скорее мы покончим с осмотром, тем быстрее отправимся домой.

Чуть позже, когда мы с Молли неловко стоим, попивая бесплатные напитки и разглядывая окружающих, — в одних сразу можно опознать жителей Сент-Феликса, другие же вовсе не похожи на туристов, зато превосходно вписываются в атмосферу картинной галереи, — меня окликает молодая женщина:

— Кейт!

— Поппи! — приветствую я знакомую хозяйку магазинчика с нашей Харбор-стрит. — Как дела? Давно не виделись.

— В последнее время я мало бываю в цветочной лавке, — морщится Поппи и, похлопывая себя по животу, поясняет: — Токсикоз.

— Ты опять беременна? — радостно спрашиваю я. — Как здорово!

— Да, опять! — довольно отвечает Поппи. — Надеюсь, что теперь, когда три месяца позади, мне, как и в прошлый раз, станет лучше. Привет, Молли! — она замечает мою дочь. — Как тебе тут?

— Нормально, — пожимает плечами Молли.

— Ты как моя падчерица Бронте. В твоём возрасте она говорила то же самое, когда родители тащили её в подобное местечко.

Молли смущенно смотрит на Поппи.

— Замечательно, что у тебя будет малыш, Поппи, — говорю я. — Я и не знала, что ты снова беременна.

— Мы с Джейком никому не говорили, чтобы не слезить. Но, думаю, Джейку просто требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли, что он снова станет папочкой.

— У него это будет... четвертый ребенок, да?

— Ага, и второй наш общий. Двое старших уже выросли. Бронте двадцать, а Чарли — двадцать два.

— Бронте ведь в художественном колледже? По-моему, она как-то забегала к нам за альбомом для рисования, но наш скудный ассортимент её, кажется, не впечатлил.

— На всех не угодишь, — резонно замечает Поппи. — Магазины в Сент-Феликсе в основном крохотные. Тебе еще повезло, что удалось занять дополнительные помещения на цокольном этаже. Уверена, Бронте нашла в твоей лавке что-нибудь подходящее — она все время рисует. — Поппи наклоняется ближе. — И у неё выходит гораздо лучше, чем бóльшая часть так называемого «искусства», которое висит тут. Напоминает... детскую мазню, правда?

— Пожалуй, но тут еще лучше, чем в других залах. Там вообще ощущение, что на холст краску пролили. А тут, по крайней мере, что-то, похожее на картины.

— Это верно, — соглашается Поппи. — Вообще-то я пришла только затем, чтобы поддержать галерею, а ты? Здорово, что она снова заработала после ремонта. Когда ее открывают, тут всегда наплыв посетителей. Похоже, многим нравится современное искусство, одна я вот не ценитель.

Я улыбаюсь. Поппи не из тех, кто ходит вокруг да около, и ее прямота меня восхищает.

— Приятно сознавать, что скоро посетителей станет больше. Но не мне об этом судить — когда открылся мой магазин, галерея уже была закрыта.

Поппи задумывается.

— Пожалуй, да. Я и забыла, как долго она не работала. Ты приехала сюда... год назад?

— Полтора. Как раз перед моим приездом в галерею начался ремонт.

— Боже мой, так давно? Как время летит.

Слышится звяканье ложки о бокал, и в комнате воцаряется тишина, когда все посетители оборачиваются на звук.

— Дамы и господа! — Это давешняя особа. — Пожалуйста, минуточку внимания. — Она ждет, пока все замолчат. — Спасибо. Как многие из вас знают, меня зовут Офелия Фитцпатрик, и я являюсь главным куратором галереи «Лайл». Как известно, наша прекрасная галерея только что открылась после длительного и, если можно так выразиться, эпохального ремонта, поэтому, я уверена, некоторые из вас здесь впервые. Конечно же, вы все согласитесь с тем, что ремонт себя оправдал, и сегодня галерея выглядит еще изумительнее, чем прежде. — Она по-

водит руками, слышатся жидкие аплодисменты. — Знаю, вы также поддержите меня в том, что архитектурное великолепие — не главное в галерее, важнее то, что у нее внутри, и, как вы успели сегодня убедиться, в нашей постоянной экспозиции есть потрясающие произведения искусства.

— Потрясающие — не то слово, — шепчет Поппи, и Молли одобрительно ей улыбается.

— Но особенно отрадно то, — продолжает Офелия, — что наша первая *персональная* выставка в галерее «Лайл» посвящена местному художнику, который жил и творил здесь, в Сент-Феликсе, в пятидесятых годах прошлого века. Уверена, вы все уже успели насладиться и восхититься его работами, которые мы с гордостью представляем здесь, а тем из вас, кто был занят другими делами, я настоятельно рекомендую наверстать упущенное и поддаться их очарованию до окончания вечера. Но прежде чем вы ринетесь на осмотр, я с огромным удовольствием хочу представить вам того, кто может рассказать гораздо больше об этих чудесных полотнах и о самом художнике. Приглашаю на сцену того, кто знал Уинстона Джеймса лучше многих, — его сына Джулиана!

Офелия энергично хлопает в ладоши, присутствующие поддерживают ее со сдержанным энтузиазмом, а тем временем на крохотной импровизированной сцене возникает мужчина, которого мы видели раньше в плаще и шляпе, теперь он облачен в сшитый на заказ темно-синий костюм, голубую рубашку и галстук в горошек. Он экстравагантно целует Офелию

в обе щеки, а затем решительно берет из ее цепких ручек маленький микрофон.

— Спасибо, Офелия! — говорит он, жестом провожаивая ее со сцены и давая всем понять, что теперь его пять минут славы.

— Приветствую вас, друзья! — бодро обращается он к публике.

Я украдкой смотрю на Молли, но она уже улыбается и поднимает выше телефон, чтобы заснять видео.

Я закрываю рукой объектив.

— Мама!

Я качаю головой. Она неохотно опускает телефон.

— Могу я называть вас друзьями? — вопрошает Джулиан, и его утонченные черты омрачаются выражением беспокойства. — Мой отец на протяжении стольких лет был неотъемлемой частью Сент-Феликса, что я считаю всех вас его семьей и друзьями, а значит, и моими тоже.

Поппи фыркает и тотчас, желая скрыть свое веселье, делает глоток апельсинового сока.

Джулиан, похоже, чувствует скептическое отношение толпы и встревоженно глядит в нашу сторону. Он вдруг посылает мне обезоруживающую улыбку.

Я вежливо улыбаюсь в ответ.

— Это твой шанс, — бормочет Поппи, толкая меня локтем.

— Не думаю, — кривлюсь я. — У меня высокие запросы.

— Зато он при бабле, — весело шепчет Поппи. — Теперь, когда папаши больше нет, все денежки долж-

ны быть его. Если сможешь игнорировать растительность на лице и вкрадчивый голосишко — он твой.

— Хватит! — шиплю я, стараясь не расхохотаться.

— На протяжении многих лет Сент-Феликс был неотъемлемой частью жизни моего отца, — продолжает Джулиан, — и потому он любил рисовать его в своей собственной уникальной манере. — Он указывает на полотно у себя за спиной. — Поэтому я знаю, он пришел бы в полный восторг, узнав о том, что все его городские пейзажи выставлены этим летом в галерее «Лайл», чтобы вы, его жители, и все гости Сент-Феликса могли ими любоваться. — Мы поднимаем руки для аплодисментов, но Джулиан продолжает: — Более того, я уверен, что благодаря этой выставке в скором времени многие из вас, владельцев малого бизнеса, будут благодарить моего отца за еще больший приток посетителей нынешним летом. Поэтому я прошу вас поднять бокалы в знак признательности гению, каким был и остается мистер Уинстон Джеймс!

— Он меня почти убедил, — говорит Поппи, когда мы без энтузиазма поднимаем бокалы, — но потом он заявил, что нам следует быть признательными, и хотя я согласна, что туристы нам всем на пользу, но какой-то он напыщенный, не находишь?

— Он кажется очень самовлюбленным, — говорю я, оглядываясь по сторонам в поисках Молли, которая, похоже, куда-то ускользнула.

— Помпезность так и прет из него, — с присущей ей прямолинейностью говорит Поппи. — Ой, извини, Кейт, я только что видела Риту. Мне нужно

поговорить с ней насчет поставки цветов на свадебный банкет в «Веселой русалке». Я мигом.

Поппи машет Рите и пробирается сквозь толпу посетителей, многие из которых теснятся вокруг Джулиана.

Куда запропастилась Молли, снова думаю я, глядя по сторонам. Сбежать — это на нее не похоже.

На самом деле нужно признать, что в последнее время это *стало* на нее похоже. С тех пор как несколько лет назад у Молли начался подростковый возраст, она изменилась — не физически, она по-прежнему маленькая и худенькая, а иначе. Теперь она носит джинсы, тяжелые ботинки и футболки с вызывающими принтами. И дело даже не во внешнем виде, главное, что она становится все более независимой.

Понимая, что глупо стоять столбом, когда рядом никого нет, я поворачиваюсь к ближайшей картине и делаю вид, что внимательно ее изучаю.

Поппи права: на первый взгляд его стиль напоминает детскую мазню. «Гавань Сент-Феликса на закате» значит на бирке внизу.

Хм... а что, пожалуй, думаю я, присматриваясь к холсту. Без труда узнается примечательная городская гавань с маячком вдали, а на переднем плане побеленные каменные домики, которые и сегодня стоят там, правда, сейчас в них преимущественно обосновались магазинчики, кафе и гостиницы, а не семьи рыбаков, как это было в пятидесятые. Но перспектива кажется нарушенной — возможно, намеренно? Кроме того, художник использовал в своей рабо-